

Ариадна Борисова

Игра

Часть сборника
Современные рассказы о любви.
Привычка жениться (сборник)

Ариадна Борисова

Игра

«ЭКСМО»

2015

Борисова А. В.

Игра / А. В. Борисова — «Эксмо», 2015

«Впервые я встретил их на нашей детской площадке – двух одинаковых, под копирку, мальчиков и длинношеюю девочку, похожую на жирафенка, с золотыми брызгами конопушек на щеках. Нам тогда было по пять лет. Я сначала удивился, потому что еще ни разу не видел близнецов и таких оранжевых девочек. Потом Катя (так ее звали) объяснила, что ее сделали из лучика солнца, ей об этом сказала мама. А мальчиков, сразу обоих, их мама выбрала в специальном магазине, где взрослые покупают детей. Катя была очень умная девочка и знала, что покупать оптом дешевле...»

© Борисова А. В., 2015

© Эксмо, 2015

Ариадна Борисова

Игра

Впервые я встретил их на нашей детской площадке – двух одинаковых, под копирку, мальчиков и длинношеюю девочку, похожую на жирафенка, с золотыми брызгами конопушек на щеках. Нам тогда было по пять лет.

Я сначала удивился, потому что еще ни разу не видел близнецов и таких оранжевых девочек. Потом Катя (так ее звали) объяснила, что ее сделали из лучика солнца, ей об этом сказала мама. А мальчиков, сразу обоих, их мама выбрала в специальном магазине, где взрослые покупают детей. Катя была очень умная девочка и знала, что покупать оптом дешевле.

Я спросил:

– Вы видели волшебника?

Они замотали головами. И мы побежали смотреть сквозь щели в заборе частного двора на пса Чародея – ублюдка с благородным телом сенбернара на кривых бульдожьих окорочках. Я открыл ребятам страшный секрет – втайне лелеемую в сердце догадку о волшебнике, неведомо кем превращенном в уродливую собаку. Чародея выдавала не только кличка, но и особое выражение оттянутых книзу глаз, ярко одушевленных человеческой тоской. При виде чужаков они взблескивали красноватой влагой и о чем-то умоляли, хотя сам пес, хрипя и дергаясь на цепи, злобно лаял для конспирации.

Новые знакомцы поверили мне безоговорочно, отчего я утвердился в выдумке и неизменно вырос в собственных глазах.

Доверие, помноженное на благодарность, положило начало дружбе. Но вскоре я понял, что мне, не примечательному ни внешностью, ни талантами, – ничем, кроме безрассудно растраченной собачьей тайны, была отведена арьергардная роль. Роль скорее зрителя, нежели героя. Другой, может, принялся бы силком выдираться в лидеры или до поры оставил вызреть обиду, но меня, галерочника по характеру, это положение вполне устроило.

Как все великое и простое, Игра родилась внезапно, когда Катя вынесла во двор книгу «О здоровой и вкусной пище». Мы разглядывали картинки, и тот, кто первым тыкал пальцем в блюдо, успевая сказать «мое», получал право его «съесть». Пусть всего лишь зрительная, дегустация доставляла массу удовольствия и будила воображение. Мы увлеклись и отправились к Кате домой. Найденные на полке подшивки старых журналов подарили нам вкусный ужин и вечер, облагороженный вещами «отличного, не китайского качества», – так говорила обычно моя мама, оправдываясь перед папой, если опять покупала что-нибудь ненужное у своих многочисленных друзей.

Насытившись всяческим изобилием сверх меры, Катя и близнецы благополучно забыли об Игре. Но не я. У меня этот разовый интерес превратился в любимое вечернее занятие. Понемногу он завладел мной настолько, что стал едва ли не главным смыслом бытия, оживившим примитивную повседневность сочными рекламными красками.

Я полюбил вещи. Я ласкал их внутренним зрением, оглаживал их края, углы, малейшие выступы; сквозь бумажные полиграфические покровы пальцы мои чувствовали сухое, чуть пыльное дыхание материала. Я додумывал детали, находящиеся вне изображения, и, если обнаруживал предмет того же назначения красивее и лучше, «брал» его себе – правда, не без сожаления расставаясь с прежним. Мои иллюзии казались мне существеннее реальности. Это было как сон, я мог управлять им, как хотел, свободнее, чем явью, и я жил в нем с наслаждением рабочего человека, наконец-то выбравшегося на хваленый всеми курорт к морю и солнцу. Гладко, как бильярдный шар в лузу, вошла в меня эволюция утилитарного мира, в котором все изменения происходили быстрее и эффективнее, чем в медлительном человеческом обществе.

Меня приводило в восторг изобретение все более и более совершенных моделей, не имеющих ничего общего с теорией Дарвина.

Вначале я действовал беспорядочно, пока не сообразил, что мозгу будет легче, если привести приватизацию в систему. Мой тщательно отобранный и отсортированный багаж стал нуждаться в помещении. Строительство в уме комнаты, где вещи расставлялись и складывались по моему усмотрению, подняло мое частнособственническое сознание на новый уровень. Просмотрев картинки в журнале «Уют», я выбрал самую удобную и красивую мебель и «скачал» ее в память. Теперь у каждой вещи появилось свое место, что значительно облегчило работу воображения. Я и ночью без запинки ответил бы на вопрос, касающийся любой мелочи моего интерьера.

Метафизическая комната выросла вместе со мной. Незаметно она преобразилась в коттедж с гаражом, двором и садом. Вещи тоже росли: от резинового мяча к футбольному, от кубиков к игровой приставке, от велосипеда к машине. Перед сном я видел почти реальные очертания своего дома. Благодаря Игре память не только научилась цепко схватывать и держать в себе внешний вид множества предметов, но и сама додумывала и подсказывала сочетание расцветок, объем, запах, звук, тактильные особенности и функциональные свойства. Я мог играть в любое время, где бы ни находился и что бы ни делал.

Легкость приобретения вещей и зачаточные попытки умозрительного дизайна посеяли во мне первые семена социальных размышлений. Приглядываясь к тому, что стояло в квартире у нас, у соседей, я начал разделять людей по ступеням общественной лестницы. Фраза из разговора родителей об одном из знакомых «Он скрывает источники дохода» потрясла меня. Как всякому богачу, мне тоже было что скрывать, но в отличие от других нуворишей я мечтал в полной мере предъявить народу доказательства своей состоятельности. Я живо представлял, как налево и направо раздаю красивую одежду, телевизоры и даже машины. Жалко не было – меня обеспечивал неиссякаемый источник. Мысленно раздарив часть добра, я плакал от невозможности превратить одухотворенные мною блага в материальные.

Голова моя стала раскалываться. Истощился перенапрягшийся мозг, вынужденный без конца перетаскивать с места на место уйму тяжестей. Под глазами появились темные круги. Я заболел.

Врач в поликлинике прописал какие-то лекарства и посоветовал маме каждый день кормить меня яблоками, творогом и мясом. Мама вздохнула: «Постараемся...»

Я знал, почему она вздыхает. Отец уволился из проектного института несколько месяцев назад и никак не мог найти другую работу. Семья переживала голодные дни.

– Что ты все время усмехаешься? – спросила мама в дороге.

– Так, – уклонился я от ответа.

Она бы не поверила, что я ежедневно объедаюсь столькими вкусностями, сколько ей не купить на всю свою зарплату воспитательницы детского сада.

К школе я уже владел небольшим дворцом, и, хотя еще не умел считать до ста, количество хранимых памятью предметов давно перевалило за трехзначное число. Не было надобности вести инвентаризацию, я и так все помнил. Вместо того чтобы чертить дурацкие палочки и закорючки, я в одиночестве бродил по залам с мраморными колоннами, позаимствованным из Словаря античности, среди роскоши иных эпох, принадлежащих ушедшим народам, и мне было хорошо.

В третьем классе нам задавали много стихов. Образное мышление оказалось для меня недоступным. Я с трудом воспринимал поэзию. Мое потребительское сознание не желало впускать в себя метафоры. В стихах все вставало с ног на голову, знакомое полотно мира рвалось в клочья, и наступал хаос.

Катя попыталась помочь. Она взяла мамин сборник Николая Гумилева, открыла наугад и прочла:

- Под покровом ярко-огненной листвы великаны жили, карлики и львы.
- Неправда, – возразил я.
- Так нужно, чтобы красиво было, – пояснила Катя.

Но я решительно не видел красоты в том, чтобы засовывать кого попало под прелые осенние листья! Красота каждого предмета имела определенное содержание, имя и место. Порядок – вот что было в ней главным. Великаны живут в сказках, карлики – в цирках, львы – в Африке, рыба плавает в реке, а облако в небе.

- ... вышла женщина с кошачьей головой, но в короне из литого серебра, – читала Катя.

– Хватит, – взмолился я, сытый по горло. Дикий хаос лез ко мне со всех сторон, густо храпя, сморкаясь во все углы и руша носорожьими копытами стройность моих композиций... Я испугался.

Ясность в проблему внесли близнецы.

– Представь, будто собираешься расставить все, как тебе нравится. Кончится стихотворение, и отправишь кого куда нужно.

У меня получилось.

После этого я понял, что мне одному не под силу содержать в порядке дворцовое убранство. Значит, нужны слуги.

Прежде чем браться за новую, человеческую, коллекцию, я осторожно выпросил кое о чем Катю и близнецов. Они много читали, а мой специфический интеллект, предпочитающий тексту фотографию, требовал разнообразия информации для четкого и отлаженного государственного строя. Меня уже не удовлетворяли застывшие снимки в журналах. Я принялся «выдирать» актеров из телевизионных сериалов. Мне хотелось знать, какие голоса, походки, жесты будут у моих гвардейцев и слуг. Напряженные часы перед экраном встревожили маму, и она запретила мне смотреть взрослые фильмы.

Приглядевшись к соседям, я испытал разочарование. Никто из них не подходил для идеального мира. Раньше мне в голову не приходило, как много вокруг некрасивых людей. Пришлось усложнить Игру, что стало началом самого увлекательного воображаемого собрания. Я брал приглянувшиеся мне фигуру, лицо, прическу, «вырезал» их у владельцев и складывал из этих частей нового человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.